

4.4. Продвижение Петрова. Каменский ревом

В первых числах января в отряде Петрова насчитывалось до 2500 человек при двух батареях и 20 пулемётах. Передовые его части занимали Чертково и активности не проявляли.

7 января 1918 г., когда наступление Саблина от Луганска на Миллерово, казалось возможным и перспективным, Антонов-Овсеенко потребовал от Петрова поддержать его выдвижением к югу от Чертково. Вот текст его телеграммы:

«Из Харькова – Лиски. Комиссару Воронежских войск товарищу Петрову.

Именем революции и в силу полномочий, данных мне Советом Народных Комиссаров, предписываю вам немедленно перейти в наступление к Миллерово и занять эту станцию, откуда войти в связь через Луганск с отрядом Саблина, сейчас ведущим наступление против калединских банд. Об исполнении срочно донести».

Петров ответил, что наступает, однако с места не двинулся. По-человечески понятно недовольство Главкома Петровым,

Г.К. Петров

которого он в мемуарах называл «совершенно несостоятельным». Думается, это всё же не так. Возможно и даже наверняка, Петров не обладал необходимыми организаторскими способностями, но в личной его храбрости усомниться трудно.

И в Чертково он попал в двусмысленное положение, из которого не мог найти выхода. С представителями его отряда казаки подписали вполне определённое соглашение, где чётко оговаривались «права и обязанности сторон». Начни Петров выдвижение в глубь Области, что противоречило не только букве, но и духу соглашений, и

ситуация мгновенно выходила из-под контроля. Судя по всему, Петров вполне допускал, что в этом случае донские полки загородят ему дорогу с оружием в руках. Исход серьёзного боевого столкновения наполовину разложенного лоскутного красногвардейского отряда с вышколенными, прошедшими Великую войну донцами был едва ли не предопределён. В лучшем случае, его бы просто выдавили за пределы Области. В худшем – вырезали бы без остатка³⁰¹.

Другое дело, что Петров не докладывал об этом Антонову-Овсеенко и легко давал обещания, которые, видимо, и не собирался выполнять. Как и многие, Петров в донесениях не стеснялся приукрашивать события и преувеличивать силы врага. Впрочем, не он первый, не он и последний...

7 января в Воронеже должен был начать свою работу созываемый большевиками в противовес Войсковому правительству³⁰² «Съезд трудового населения Дона». Несмотря на усилия группы Донских большевиков, во главе с Сырцовым и Щаденко, представителей казачьих частей привлечь к работе съезда не удалось. Из 100 делегатов съезда казаков было не более десяти. Вся работа, проделанная, в общем-то, ради окончательного разложения и расформирования казачьих частей³⁰³, грозила пойти насмарку.

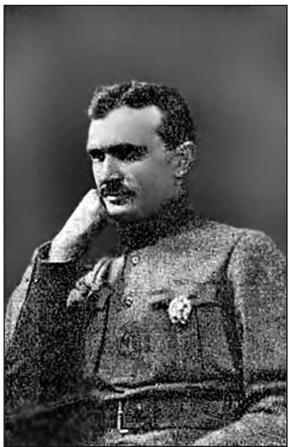
И тут вдруг выяснилось, что 10 января в ст. Каменской проводится «Совещание»³⁰⁴ делегатов фронтового казачества». Делегаты воронежского съезда решили к нему присоединиться.

³⁰¹ И это не просто предположение. Позже, случилось, уничтожались целиком и более сильные и устойчивые отряды.

³⁰² Войсковое правительство запретило казакам, как и другим жителям Области, принимать участие в работе воронежского съезда.

³⁰³ При благоприятных обстоятельствах надеялись, конечно, создать подконтрольное большевикам «Донское правительство», альтернативное Календинскому Паритетному.

³⁰⁴ Приступив к работе, Совещание объявило себя «Съездом фронтового казачества». Есть все основания предполагать, что съезд явился результатом движения «снизу», и был созван по инициативе полковых казачьих комитетов. Делегаты съезда представляли двадцать три донских полка и пять батарей.

Е.А. Щаденко

Выехали группой в 70 человек во главе с Сырцовым, Щаденко и казаками Ермиловым и Елисеевым. В Каменскую прибыло до 30 человек, остальные в пути, вероятно, опасаясь за свою жизнь, «отстали».

Съезд, проходивший под председательством Подтёлкова, по выражению Антонова-Овсеенко, «протекал в боевом, но неопределённом направлении. Лишь небольшая горсть казаков, связанных с большевиками, – Кудинов, Стехин и др., пытались направить съезд к боевым действиям». Сделать это было совсем непросто. Большая часть делегатов настроена была совершенно по-иному. Воевать с большевиками они не хотели, но ещё меньше желали воевать против своих. Осторожные попытки «Воронежской группы» склонить казаков к захвату власти наталкивались лишь на растущее недоверие. Постепенно съезд начинал склоняться к мысли разрешить дело миром, договориться как с большевиками, так и с Калединым.

Но тут была перехвачена телеграмма Войскового атамана об аресте участников съезда и препровождении их в Новочеркасск. Почувствовав угрозу, делегаты высказались за войну с Калединым и создали Донской военно-революционный комитет. Председателем был избран Ф.Г. Подтёлков³⁰⁵, секретарём М.В. Кривошлыков³⁰⁶. Членами комитета стали, в том числе, Кудинов, Лагутин, Елисеев, Дорошев, Ермилов, Жданов, Ерохин, Ковалев, Криушев, Маркин и другие, в той или иной степени со-

³⁰⁵ Фёдор Григорьевич Подтёлков, 1886 г.р., учился в церковно-приходской школе, на военной службе с 1912 г. На фронте в чине подхорунжего был взводным урядником в 6-й лейб-гвардии артиллерийской батарее.

³⁰⁶ Михаил Васильевич Кривошлыков, 1894 г.р., агроном по образованию, с началом войны попал на фронт. Позднее окончил краткосрочные курсы при Новочеркасском военном училище. Служил командиром пешей разведки, затем, в чине прапорщика, сотенным командиром. Летом 1917 г. был избран председателем комитета 28-го Донского полка и членом комитета 5-й Донской казачьей дивизии.

чувствовавшие большевикам, казаки.

ВРК должен был организовать войска для сопротивлению Каледину, добиться от него прекращения войны с советскими частями, роспуска добровольческих отрядов, выдворения с Дона Корнилова и других генералов, а в конечном итоге, и сложения властных полномочий.

В социально-политическом плане позиция съезда до логического завершения доведена не была. В воззвании, расклеенном на следующий день по всей станице, в частности говорилось, что съезд берёт на себя «почин освобождения трудового казачества от гнёта контрреволюционеров и Войскового правительства, генералов, помещиков, капиталистов, мародёров и спекулянтов». Сообщалось, что съезд образовал ВРК, к которому переходит власть в Донской области, однако о структуре будущей власти ничего сказано не было.

В ночь на 11 января ВРК, используя подразделения 8-го Донского и Атаманского полков, произвёл аресты представителей Войскового правительства в Каменской³⁰⁷ и, по совету воронежских товарищей³⁰⁸, направил команды для занятия Ли-

Ф.Г. Подтёлков

М.В. Кривошлыков

³⁰⁷ Были арестованы окружной атаман, воинский начальник, оказавший вооружённое сопротивление и ранивший двух казаков, и 18 военных чиновников.

³⁰⁸ «Воронежские товарищи», если, конечно, они действительно дали совет занять узловые станции, вскоре об этом пожалели. Едва Донревком почувствовал в своих руках реальную силу, его представители дали понять Советскому командованию, что в помощи красногвардейцев не нуждаются.

хой и Звереву. Днём 11 января в Каменскую прибыл посланный Калединым для ареста делегатов съезда 10-й Донской полк. Выгрузившись на станции, полк присоединился к проходящему на ней митингу. Казаки перемешались друг с другом. Об аресте нечего было и думать. Призывы командира 10-го Донского выполнить приказ понимания у подчинённых не нашли.

Тут же полковой комитет заявил о подчинении полка Донревкому. Однако плохо скрываемая на первых порах связь Донревкома с большевиками возмутила многих. Делегация 10-го полка, гундоровцы, представители других частей потребовали удаления Сырцова, Щаденко, некоторых других «неказачков» из Каменской. «И товарищи были вынуждены, – пишет Антонов-Овсеенко, – перейти почти на нелегальное положение. Ревком, дороживший их советами, всячески прятал от казачьих масс свои сношения с большевиками³⁰⁹».

Надо признать, что Донревком вовсе не представлялся единым монолитом. Более того, даже и лояльные по отношению к Советам его члены крайне болезненно реагировали, едва разговор заходил о войсковых землях, или организации Красной гвардии на шахтах и рудниках³¹⁰. В этом случае большевистское влияние сразу же сводилось к минимуму.

Вообще в составе Донревкома имелось, по крайней мере, два течения, умеренное и большевистское. И какое из них возьмёт верх при обсуждении того или иного конкретного вопроса предугадать было невозможно. Отсюда и противоречивость, и половинчатость его решений, и неустойчивость перед влиянием внешних факторов. Но и среди членов ВРК, ориентирующихся на большевиков, тоже не наблюдалось безусловного единства. Были там казаки-большевики, такие, как Кудинов или До-

³⁰⁹ Тем не менее, от ВРК были направлены в Совнарком делегаты, которые без проволочек были приняты Лениным и даже успели поприсутствовать на последних заседаниях III съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (проходил с 10 по 18 января 1918 г. в Петрограде).

³¹⁰ На прямую просьбу делегации шахтёров выделить для них винтовки Донревком ответил отказом, мотивируя его отсутствием у казаков лишнего оружия.

рошев, звёзд с неба не хватавшие, на лидирующие позиции не претендующие, честно тянувшие партийную лямку. Были люди, вроде Лагутина, при всём при том, не утратившие глубинной связи с казачеством, ощущавшие себя его частью, способные и на самостоятельное мышление, и на поступок. А были и такие, как офицер-гундоровец Маркин, считавшие, что военные действия с Калединым допустимы лишь в крайнем случае.

Особняком, конечно, стоит Подтёлков. Что толкнуло этого не по его вине малообразованного казака-батареяца к большевикам, в общем-то, понятно. Встречаются изредка люди, в силу личностных качеств, имеющие с властью особые отношения. Эта сама собой возникающая связь не зависит ни от уровня культуры, ни даже от обаяния. Они просто воспринимают власть, как нечто само собой разумеющееся, во власти естественны и гармоничны. Тянутся к ней и берут в руки при первом удобном случае. И власть, чувствуя генетическую совместимость, благоволит к ним. Именно таким во многом и был Подтёлков. Ни при Керенском, ни при Каледине ни малейших шансов подняться выше унтер-офицерского уровня у него не было.

Вместе с тем, пойдя с большевиками, можно было добиться многого. Что собственно, и произошло на съезде и развивалось в дальнейшем. И то, как изменялся председатель Донревкома на глазах день ото дня, те, сразу же появившиеся, отстранённость и холодок в отношениях с «рядовыми» казаками, были всего лишь атрибутами вхождения во власть. Несколькими скупыми фразами охарактеризовал эти, произошедшие в нём перемены Шолохов: «...в голосе его тянули сквозняком нотки превосходства и некоторого высокомерия. *Хмелем была власть в голову простого от природы казака*».

Можно сомневаться, можно спорить, какую роль играла в жизни этого человека забота об интересах «трудового казачества», а какую – немалые личные амбиции. Есть один, возможно, определяющий критерий. Отношение к гибели Чернецова. Если Голубов переживал и долго ещё не мог успокоиться, понимая, что пути назад отрезаны навсегда, то Подтёлков и бровью не повёл. Прошлое его не заботило и ничем не согревало.

И всё же, надо признать, это был сильный и смелый человек. Суровый и основательный. Безусловно понимавший, чем рискует, но готовый идти до конца. Знавший, что без Советской власти и партийного руководства на верху ему не усидеть, но, тем не менее, вовсе не безоговорочно принимавший большевистские указания, иногда, набычившись, действовавший независимо ни от кого и ни от чего совершенно...

13 января в Каменскую прибыла для ведения переговоров делегация Войскового правительства в составе шести человек, в том числе и председатель Круга Агеев. Всю ночь на 14 января в здании почтово-телеграфной конторы происходило совместное заседание членов Донревкома в количестве 17 человек с правительственной делегацией. Стороны не могли даже и приблизиться к компромиссу, разговаривали на разных языках. Агеев и другие члены Круга обвиняли Донревком в предательстве интересов Дона и в том, что, идя на соглашение с большевиками, он неизбежно становится орудием в их руках³¹¹. Особенно резко говорил Кушнарёв. Речь его прерывалась то и дело сгрудившимися в дверях и коридоре

³¹¹ Донревком безусловно, особенно на первых порах, по ряду вопросов занимал и собственную позицию. Но вот как описывает ход переговоров Толмачев: «За стол сели Подтёлков, Кривошлыков, Дорошев, Криушев, Шурупов, Кудинов. Чтобы избежать упреков делегации по поводу участия в переговорах иногородних, Щаденко не показывался в зале. Но все члены Донревкома нуждались в его помощи. Поэтому Ефим Афанасьевич находился в коридоре, а Кудинову поручили информировать его и получать советы... Много раз Кудинов выходил в коридор, советовался с Щаденко, и тот, оживлённо жестикулируя, разъяснял бессмысленность затеянного маскарада.

...в коридоре Щаденко решительно требовал прекратить эту говорильню и ни в коем случае не соглашаться на поездку.

– Это безумие, пустые надежды! – горячился он. – Перемирия никакого быть не может! Неужто не понятно, чего хочет Каледин?

Проводив делегатов, Подтёлков вступил в спор.

– Ну, ты, брат, сгущаешь краски, – заявил он, – я тоже не против применения силы, где она необходима, но зачем же искусственно разжигать гражданскую войну? Мало тебе крови?

В голове Подтёлкова глубоко сидела идея о братской казачьей солидарности, возможности договориться с врагами революции мирным путём. Как известно, много позже ему пришлось поплатиться жизнью за эту слепую веру».

Свои выводы каждый, конечно, вправе делать сам.

казаками. Раздавались даже призывы арестовать Войсковую делегацию.

Подтёлков, Кривошлыков, Лагутин отвечали в том смысле, что Каледин противопоставил Дон остальной России, приютил Корнилова и добровольческие отряды, чем спровоцировал приход большевиков и втянул Область в гражданскую войну. И, следовательно, должен уйти.

Договориться, конечно, ни о чём не удалось. Около двух часов ночи, когда стало ясно, что соглашение не может быть достигнуто³¹², было принято предложение члена Круга Карева о возобновлении переговоров и приезде в Новочеркасск делегации от Военно-революционного комитета. С утра 14 января правительственная делегация покинула Каменскую.

А днём ранее в Купянске Антонов-Овсеенко провёл совещание с Петровым и Саблиным, почти целиком посвящённое Каменскому съезду. Петрову, как и Саблину, Главком советовал не переоценивать возможностей и активности Донревкома, относиться к нему и его заявлениям с величайшей осторожностью, соблюдать тактичность, и рассчитывать исключительно на собственные силы.

В тот же день 13 января Антонов-Овсеенко принял делегата Донревкома Маркина. Главком пообещал оказать всяческое содействие Каменскому ревкому при условии положительного ответа на следующие вопросы:

- 1) Признаёт ли казачий Ревком власть ЦИК и выбранного им Совета Народных Комиссаров.
- 2) Готов ли созвать вместо Войскового круга съезд представителей от советов всего трудового населения Дона.
- 3) Готов ли вести под общим советским руководством вместе с ним борьбу против Каледина и Корнилова.

Дополнительно был задан вопрос о готовности Ревкома выступить с разъяснением своей позиции официально?

Маркин от прямых ответов уклонился. Заявил о сложности разрешения земельного вопроса, настаивал на необходимости

³¹² Войсковая делегация не могла обсуждать вопросы, связанные с передачей власти Донревкому, так как соответствующими полномочиями наделена не была.

сохранения в той или иной форме Донской автономии. Антонов-Овсеенко заверил его, что вопрос о земле будет решаться на основе решений Всероссийского съезда Советов и опубликованного СНК декрета, с учётом особенностей отдельных областей. И что областная и краевая автономия духу Советской власти не противоречит. Ни о чем, конкретно не договорившись, пообещав проинформировать Донревком о поставленных перед ним вопросах, Маркин отбыл в Каменскую.

Ревком с ответом, тем более, официальным не спешил. Слишком многое зависело от результатов возобновляющихся переговоров с Калединым, и до их окончания даже и Подтёлков связывать себя какими бы то ни было заявлениями и обещаниями не собирался. Позже Донревком дал понять о нежелательности вооружённой помощи со стороны советских отрядов. В Каменской не были озабочены развернувшимся наступлением на Таганрог и Ростов, занятые Добровольческой армией. Но возражали против выдвижения красногвардейцев к Новочеркаску. По мнению Ревкома на этом направлении содействие большевиков должно было ограничиться материальной помощью.

Казалось бы, положение Донревкома было весьма шатким. Части, выразившие ему поддержку, были разбросаны тут и там, за многие сотни километров друг от друга. Собрать их было невозможно. Боеприпасы подошли к концу, обмундирование и обувь давно сносились, боевой дух после всего происшедшего отсутствовал, как таковой. Однако и полки, остававшиеся номинально верными Каледину, находились в таком же точно состоянии. Подавляющее большинство казаков, вне зависимости от своих симпатий и позиции полковых комитетов, едва лишь узнав о Каменских событиях, спешили покинуть свои части и разъехаться по домам. Воевать друг с другом силами казачьих частей и тем, и другим было весьма затруднительно. Скорее, едва ли возможно.

14 января в Новочеркаск направились представители Военно-революционного комитета во главе с Подтёлковым. Кроме него на выборной основе были делегированы Кривош-

лыков, Кудинов, Лагутин, Скачков (выбранный от Атаманского полка), Головачёв и Минаев. В Каменской оставались в качестве заложников арестованные ранее офицеры Атаманского полка.

В Новочеркасске на вокзале делегацию встретил офицерский наряд и препроводил к зданию Областного правления³¹³. По дороге делегацию обступали любопытные, настроенные недоброжелательно. Доходило до выкриков и оскорблений. Караул, ограждая от толпы, симпатий к делегации также не проявлял.

В зале правления рассаживались по одну сторону стола делегаты Каменского ревкома, по другую – члены Донского правительства во главе с Калединым. Со стороны правительства присутствовали П.М. Агеев, Б.Н. Уланов, В.Н. Светозаров, Г.И. Карев, С.Г. Елатонцев, Боссе, Шошников и другие. В те времена подобные мероприятия проходили прилюдно, и зал не смог вместить всех желающих. Сидели поодаль, но стульев не хватало. Толпились у дверей, плотно стояли у стен, занимали подоконники. Казаки, гражданские. Немало было и женщин.

Кривошлыков протянул заранее подготовленный текст ультиматума, но Каледин, ссылаясь на бессмысленность изучения документа каждым членом правительства в отдельности, попросил его озвучить.

– Читай, – соглашаясь, распорядился Подтёлков.

Кривошлыков зачитал ультиматум:

«1. Вся власть в Области войска Донского над войсковыми частями в ведении военных операций от сего 10-го января 1918 года³¹⁴ переходит от Войскового атамана к Донскому казачьему Военно-революционному комитету.

³¹³ Описание совещания членов Войскового правительства с делегатами Каменского ревкома произведено на основании материалов «Донской летописи, т. 2, документ №4, Подтёлков в Новочеркасске». Другие источники в сравнении с указанным несколько разнятся, как в хронологической части, так и в описательной. Автор считает нужным попытаться передать эмоциональную составляющую заседания, так как она способствует уточнению и пониманию чаяний и позиций сторон. Автор позволяет себе купировать выступления ораторов, не нарушая их сути. Автор старается не делать при этом однозначных выводов, оставляя это право за читателем.

³¹⁴ Дата открытия съезда в Каменске.

2. Все партизанские отряды, которые действуют против революционных войск, отзываются 15-го января сего года и разоружаются, равно как и добровольческие дружины, юнкерские училища и школы прапорщиков. Все участники этих организаций, не жившие на Дону, высылаются из пределов Донской области в места их жительства.

Примечание: оружие, снаряжение и обмундирование должно быть сдано комиссару Военно-революционного комитета. Пропуск на выезд из Новочеркасска выдаётся комиссаром Военно-революционного комитета.

3. Город Новочеркасск должны занять казачьи полки по назначению Военно-революционного комитета.
4. Члены Войскового круга объявляются неправомочными с 15-го сего января.
5. Вся полиция, поставленная войсковым правительством, из рудников и заводов Донской области отзывается.
6. Объявляется по всей Донской области, станицам и хуторам о добровольном сложении войсковым правительством своих полномочий, во избежание кровопролития, и о немедленной передаче власти областному казачьему Военно-революционному комитету, впредь до образования в области постоянной трудовой власти всего населения».

Даже и беглого ознакомления с текстом было достаточно, чтобы понять принципиальную неприемлемость его требований. Трудно представить себе правительство, избранное с соблюдением демократических процедур, обладающее всеми атрибутами государственной власти, имеющее вооружённые силы, которое отказалось бы от суверенитета по одному лишь требованию, в общем-то, неопределённого, размытого политического образования.

Также невозможно предположить, что делегаты Донревкома рассчитывали на согласие правительства добровольно уступить всю полноту власти. Казалось бы, логичным было бы предложить провести новые выборы, или каким-то образом перераспределить власть друг с другом и на этой почве искать

точки соприкосновения. Но выдвигались заведомо невыполнимые требования передачи именно *всей полноты власти* от Донского правительства к ВРК. Никаких гарантий при этом не предоставлялось. О структуре и характере будущей власти также почти ничего не говорилось.

Остаётся предположить, текст был составлен таким образом, чтобы исключить возможность не только компромисса, но продолжения переговорного процесса в принципе. Сами ли члены Ревкома шли на открытую и ничем не спровоцированную конфронтацию, или вняли советам того же Щаденко, неизвестно. Вопрос остаётся открытым...

Едва Кривошлыков зачитал текст ультиматума, Каледин громко спросил:

– Какие части вас уполномочили?

Подтёлков перечислил номера полков и батарей. В середине он замялся на мгновение. Тихо подсказал Лагутин, и Подтёлков тут же оправился. Закончил уверенно.

Начались прения, в которых стороны общего языка найти не могли. Обмен мнениями то и дело оборачивался взаимными упрёками. Столь важные в декабре вопросы теперь уже мало что значили, и сменялись такими же расплывчатыми, ни к чему не обязывающими ответами. Всё решали ни аргументы, и даже ни истинные цели и личные амбиции. А одна лишь решимость и соотношение сил.

Каледин спросил, признают ли члены Ревкома власть Совета Народных Комиссаров. «Это может решить лишь весь народ», – ответил Подтёлков. А Кривошлыков не совсем к месту добавил:

– Казаки не потерпят такого органа, в который входят представители партии народной свободы. Мы – казаки, и управление у нас должно быть наше – казачье.

– Как понимать вас, когда во главе совета стоят Бронштейн, Нахамкес и им подобные, – сорвался Каледин. Думается, в другой обстановке он не стал бы касаться этой темы.

– Бронштейну, Нахамкесу и другим доверила Россия. Мы не можем препятствовать ей.

– Будете ли иметь с ними дело?

– Да.

Подтёлков пояснил:

– Мы не считаемся с лицами, считаемся с идеей.

– Что общего у вас, казаков, с теми, кто ведёт наступление на донскую землю, идёт против казаков, против нашего казачьего самоуправления?

– Ничего. Мы казаки, а не большевики. Мы хотим ввести казачье самоуправление, а не партийное.

Каледин напомнил, что на 4(17) февраля назначен созыв Войскового круга, на котором члены его будут переизбраны. Богаевский спросил прямо, признают ли члены ВРК Войсковой круг.

– Постольку, поскольку... – неопределённо ответил Подтёлков и добавил откровенно. – Областной военно-революционный комитет созовёт съезд представителей от населения. Он будет работать под контролем всех воинских частей. *Если съезд нас не удовлетворит, мы его не признаем.*

– Кто же будет судьёю?

– Народ.

– Какой же это будет судья, когда вы можете его и не признать?

– Мы берём власть для того, *чтобы правильно прошли выборы*, – немного растерялся не ожидавший подобного вопроса Подтёлков. И Кривошлыков тут же добавил:

– Мы признаём власть народа.

– Нам надо договориться, каким образом созвать съезд неказачьего населения и Войсковой Круг, – вступил в разговор Боссе. – Народные представители всё разберут и устроят. До 4(17) февраля недалеко...

– Наше требование – передайте власть Военно-революционному комитету, – перебил его Лагутин. – Ждать нечего... если Войсковое правительство стоит за мирное разрешение вопроса...

– Значит?.. – подал реплику Богаевский.

– ...Надо объявить во всеобщее сведение о переходе власти

к Военно-революционному комитету. Ждать две с половиною недели нельзя. Народ ужасно наполнился гневом.

– Неужели наступающие большевики не подождут две с половиною недели? – возмутился Карев. – Нет. Здесь что-то другое, за вашими спинами стоят или царицынские или воронежские большевики...

Слово взял председатель Областного военного комитета прапорщик Огрызков:

– Ни у кого нет мысли не признавать власти народа, – сказал он и напомнил. – Товарищ Кудинов, я вас освободил, когда вы везли большевистскую литературу... Если вы честны, то вы должны сложить полномочия. Я вам говорю: немедленно слагайте свои полномочия.

В зале раздались средней силы аплодисменты.

– Военный комитет – не революционный орган, – усмехнулся Подтёлков. – От него части отказались. Граждане аплодисментов ему не дадут.

Выступали по очереди члены правительства. Обстановка постепенно накалялась.

Елатонцев:

– Вы – казаки, и мы – казаки. Кто прав из нас, покажет будущее. Вы полагаете, что передача вам власти спасёт Дон от гражданской войны? А что дальше? Подумали ли вы о том? Сюда ворвётся большевизм и от Дона останется гладкое место... Заключено перемирие. Что же это? Конец войне? Нет, мир на фронте и война здесь. Декреты Ленина – не народные. Около него нет народа, там кучка проходимцев. О земле большевики пишут: мы вам землю отдадим. *Чью землю?* Вашу же – казачью... Вы заблуждаетесь, считая, что, идя на поводу у большевиков, вы ведёте Дон к счастью. Нет. Мы не должны передавать вам власти. Вы не народные избранники. Но, повторяю, во имя счастья казачества мы должны договориться. Мы должны сделать это сами, казаки без большевистской указки.

Светозаров:

– В Каменской настроение Военно-революционного комитета было несколько другое, чем здесь. Мне казалось, в требо-

ваниях комитета имеется много пунктов, по которым мы могли бы сговориться. Теперь ультимативные требования уже другие... Мы согласились на одном – самим устраивать жизнь на Дону... Волю народа мы, так же как и вы, признаём. Скажут – и подчинимся. Вот через две недели собирается Войсковой Круг и Съезд неказачьего населения. Прекратим разговоры о власти на две недели. Скажет народ, что прав военно-революционный комитет – честь ему и слава. А если скажет, что мы правы, – ну что же, придётся вам уступить. Я бы временно все ваши требования оставил до будущего. А теперь поедете в Таганрог и остановим там гражданскую войну... пусть замолкнут выстрелы в Таганроге. И мы спокойно соберём Круг и Съезд. Неужели за две недели изменится дело?..

Уланов:

– Мы не верим тому, чтобы казаки, образовавши Военно-революционный комитет, силою двинулись на центр казачества. Мы не верим тому, чтобы казаки пошли против казаков... Вы думаете, что, предъявляя нам ультиматум, вы выражаете самые радикальные, самые правильные требования? Нет, крайние партии никогда не были выразителями общего мнения... Неужели вы думаете, что вы можете меньше других ошибаться?.. Может быть, вы не посчитаетесь ни с чем... Но подумайте о том, что из-за этого произойдёт. Мы вам верим и говорим с вами, как с казаками (с Сырцовым мы не говорили). Если мы признаем вашу власть, найдутся недовольные этим; если не признаем – тоже найдутся. Это и поведёт к гражданской войне. Нельзя не идти путём соглашения. Ультиматум – крайнее требование... Партизанские отряды созданы не ради удовольствия... Поезжайте в станицы. Может быть, вы и найдёте там своих последователей, но вся масса казачества против большевизма.

Отвечал Подтёлков. И стало вдруг ясно, договориться не удастся ещё и потому, что оппонируют друг другу носители разных культур. Уверен, безнадежность и смертная тоска охватили сердца многих:

– Я во многом с ним согласен. Тёмная масса даёт обмануть себя и справа и слева. Я согласен поехать в Таганрог. Но у нас

старое правительство. Что нам там скажут? Если бы я знал, что Войсковое правительство использовало все меры к прекращению гражданской войны. Но я знаю, что Войсковое правительство никогда не справится с этим делом. На Сулине Чернецов. Если бы Войсковому правительству верили, я с удовольствием отказался бы от своих требований. Не покорюсь я вам, не позволю. Пусть через мой труп пройдут. Мы вас фактами забросаем. Не верю я, чтобы Войсковое правительство спасло Дон. Какие меры применяются к тем частям?

Скажите мне, кто ручается за то, что Войсковое правительство предотвратит гражданскую войну?

– Я ручаюсь, – выкрикнул Огрызков. – А вы скажите, кто из вас поручится за то, что гражданской войны не будет, если власть перейдёт к Военно-революционному комитету?

– Скажите, кто же вам дал право прогонять избранников народа? – говорил подъесаул 53-го полка, фамилия которого не установленная тогда, так неизвестна и поныне. – Какими вы умами обладаете? Чем вы доказали, что поведёте дело без кровопролития? Вам надо извиниться перед Войсковым правительством и публикой и уйти. А Войсковое правительство не имеет права уйти со своего поста по вашему требованию.

– С трудовым казачеством мы пойдём, – отвечал Лагутин. – На мозоль нам не наступайте.

Заслуживает внимание выступление члена неказачьей части правительства Шошникова. Вот что он говорил:

– Я избран народом и работал ещё в 1905 году. Теперь я встречаюсь впервые с казаками. Мы в Таганрогском округе не признавали Войскового правительства. За это и были отданы под суд. 1 декабря я увидел, с кем мы имеем дело. Перед поездкой сюда у нас был съезд в округе. Кричали: «Не желаем к казакам, пойдём на Украину». Мы тоже получили ультиматум. Сговорились, пришли и предъявили Войсковому правительству ультиматум. Но говорили – и договорились.

Пусть соберётся весь народ и создаст власть. Теперь вы не довольны Войсковым правительством. 4-го(17) февраля созывается Войсковой Круг и Крестьянский Съезд. Нужно немедлен-

но принять меры, но нужно дождаться того светлого дня, когда соберётся казачество и крестьянство. И тогда не прольётся ни одной капли крови... Неужели же мы с вами не сговоримся?

Поднялся вдруг молчавший до этого Скачков³¹⁵:

– Один из ораторов сказал, что мы идём с завязанными глазами. А куда нас вели со светлыми глазами? Генерал Савельев нас обманул. Вызвал нас по тревоге, вольноопределяющийся Апанасов заявил нам, что избрали делегацию «для переговоров». А Савельев затем сказал: я человек военный и мирных договоров заключать не умею. Я заберу отцов и дедов и с ними заберу всё с бою... – атаманец хотел ещё сказать что-то, но лишь махнул рукой и сел на своё место, не окончив речи.

Попросил слова беженец, согнанный войной из Гродненской губернии и осевший в Сальском округе. Говорил о том, что власть уже в руках «царя-голода», что «каждый должен приступить к своему труду...»

Долго говорил делегат Круга от Гниловской станицы Черевков. Подробно рассказывал о боях за Ростов, чем вызвал раздражение Каменской делегации.

Лагутин негромко обратился к Каледину:

– Решайте дело, пора кончать!

Его тут же осадил, будто ждавший случая продемонстрировать своё презрение, Богаевский:

– Не волнуйтесь, Лагутин! Вот вода. Семейным и предрасположенным к параличу вредно волноваться. А потом вообще не рекомендуется прерывать ораторов – здесь ведь не какой-нибудь Совдеп.

Лагутин бросил злую, колкую фразу ему в ответ. Черевков замолчал.

Г.П. Янов упоминает о следующем эпизоде. С разрешения Атамана из рядов вышел Георгиевский кавалер всех четырёх степеней подъесаул Шеин, дослужившийся на войне до офицерского звания из рядовых казаков.

– Нам с большевиками не по пути, – обращался он непосред-

³¹⁵ Следует отметить, что на протяжении всего совещания в дискуссию вступали по очереди Подтёлков, Кривошлыков и Лагутин. Реже Кудинов. Скачков, Минаев и Головачёв больше молчали.

ственно к Подтёлкову. – И только изменники Дону и казачеству могут говорить о необходимости сдать власть советам и звать казаков идти рядом с большевиками. Неужели вы думаете, что за вами, за недоучкой и безграмотным казаком пойдёт Дон? Если кто пойдёт, так кучка оголтелых казаков, а затем, те же казаки, очнувшись, вас и повесят...

После этого все как-то замолчали, обдумывая сказанное. Слово было за Калединым. Некоторое время Атаман сидел, будто обдумывая ответ, потом, решительно встал и сказал:

– Я вам скажу несколько слов. Очень коротких, – в ответ на то, что говорилось в отношении меня...

Миллеровский съезд³¹⁶ не разрешён потому, что после того что закончившегося Войскового круга обсуждать на этом съезде было нечего. Съезд воронежский мною не был разрешён потому, что гражданская война продолжается. Съезд созывался военно-революционным комитетом. Ожидать от такого съезда прекращения гражданской войны, и послать на него казаков было нельзя. Собрать съезд в пределах Области было невозможно. Это значило приглашать к себе своих врагов. Ведь в Воронеже формировался отряд против Дона...

Сдача своего поста невозможна для Войскового правительства. Нас будет судить страна. Она будет судить и вас за восстание. Это частное восстание против народа, и за него вас будет судить народ. Из-за двух недель вы собираетесь перевернуть Дон. Вы показали тот путь, по которому пойдут, может быть, и другие. Из-за этих двух недель, что вы хотите с Донской областью сделать?

На Дону мы сами себе хозяева, и посторонние не вправе лезть к нам со своими порядками. Мы должны сказать всем, идущим к нам с советами: «оставьте нам самим устраивать свою жизнь по-своему».

Вы говорите, что не имеете дела с народными комиссарами, действуете по своей воле. Я не знаю, кто у вас голова. А у нас есть документы, удостоверяющие вашу прикосновенность

³¹⁶ Намечаемый, но не разрешённый властями съезд представителей казачьих полков.

к большевистским организациям. Вот телеграмма комиссара Антонова в Смольный:

«...Убедительно прошу не давать каких-либо определённых ответов без сношения с нами делегации от неказачьего съезда в Новочеркасске. Если вы войдёте с ними в соглашение, то свяжете нас по рукам. Комиссия из состава неказачьего съезда, образовавшая вместе с Калединым и Агеевым самостоятельную власть на Дону, по нашему мнению, не лучше прежнего Войскового круга. Но, надеюсь, что мы сможем разгромить не только Каледина, но и этих господ. Голова Каледина, *которой они хотят отделаться от пролетарской революции*, и без их помощи не останется на плечах у владельца её. Попутно передаю резолюцию съезда, из которой проглядывает его подло оборонческая физиономия...³¹⁷»

А вот ещё телеграмма Антонова в Смольный:

«В Каменской образовался Военно-революционный комитет. Сейчас обращается с деловыми вопросами к нам, *как высшей здесь власти*. Скоро уничтожим Раду и Каледина».

Наступила тишина. Не столько тесная связь Донревкома с Советским командованием, в которой и так мало кто сомневался, сколько полное пренебрежение Донским правительством, оказало на присутствующих удручающее впечатление. Молчали и представители Донревкома.

Зачитав перехваченные телеграммы, Каледин обратился к членам Каменской делегации:

– Я вам говорю и предупреждаю: не ошибитесь! Порядки на Дону будут делать другие, не вы. Воля народная выражается путём всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. У вас этого не было. На просьбу вашу о сдаче должности вам уже достаточно сказано. Мы не имеем право сдать. Если вы станете у власти, вы почувствуете тяжесть её. За властью мы не стоим. Наша власть – исполнение воли народа. Войсковое правительство может быть сброшено, но вы проложите плохой путь. Им могут пойти и другие, *им идут во всей России*. Власть никогда

³¹⁷ Подлинность этой телеграммы сомнений не вызывает, так как текст её приводит в своих воспоминаниях Антонов-Овсеенко.

мне сладкою не казалась. Я принял власть потому, что не считал себя в праве отказаться. И, если бы можно, я с величайшей охотою сдал бы власть. *Я пришёл сюда с чистым именем, а уйду отсюда, может быть, с проклятием...*

Справившись с волнением, Каледин закончил выступление и объявил перерыв на 2 часа, до 7 часов вечера. Быстро вышел, и один, без провожатых, направился в сторону Атаманского дворца. Думается, решение в общих чертах созревало уже давно. Едва дошли до Новочеркаска известия о занятии частями Донревкома Лихой и Звереве, дальнейшие шаги Донских военных властей становились очевидными. Необходимо было либо уходить, либо действовать и действовать незамедлительно. В противном случае перспектива продвижения красногвардейских отрядов от Дебальцево и Чертково по расчищенной Донревкомом ветке непосредственно к Новочеркаску становилась свершившимся фактом.

Но дело было не только в этом. Само существование Каменского ревкома неизбежно влекло за собой окончательное разложение и уход с позиций, остающихся ещё верными и сохранивших относительную устойчивость донских полков. В условиях ведения боевых действий даже и намёк на двоевластие вёл к скорой гибели.

Когда же Атаман убедился на совещании, что Ревком, по сути, намерен действовать заодно с большевиками и договариваться не с кем и не о чем, единственно возможное решение оформилось окончательно. И воплотилось в приказ Чернецову готовить отряд к выдвиганию на Лихую.

Едва заседание возобновилось, Войсковое правительство удалилось на совещание, на котором должно было отредактировать ответ на предъявленный Каменским ревкомом ультиматум. Прошло около трёх часов. Делегаты тяготились ожиданием. Переговаривались друг с другом негромко. Очевидцы утверждают, Подтёлков улыбался. Кривошлыков же заметно нервничал. Видимо, не исключал, что вполне могут и арестовать прямо в зале. Несмотря на поздний час и накопившуюся усталость не расходилась и большая часть публики.

В сущности, ответ Войсковым правительством в лице его Атамана был уже дан. Надо было лишь дождаться официального подтверждения.

Наконец, около 10 часов вечера члены Войскового правительства вернулись в зал заседаний. Каледин в полной тишине зачитал постановление:

«Постановление Войскового правительства
Войска Донского
15 января 1918 г.

Войсковое правительство Войска Донского, обсудив требования Военно-революционного казачьего комитета, представленные депутацией комитета от имени Атаманского, лейб-казачьего, 44-го, 28-го, 29-го, части 10-го, 27-го, 23-го, 8-го, 2-го запасного и 43-го полков, 14-й отдельной сотни, 6-й гвардейской, 32-й, 28-й, 12-й и 13-й батарей, 2-го пешего батальона и каменской местной команды, – объявляет, что правительство является представителем всего казачьего населения области. Избранное населением правительство не имеет права сложить своих полномочий до созыва нового Войскового круга.

Войсковое правительство Войска Донского признало необходимым распустить прежний состав Круга и произвести пере выборы депутатов как от станиц, так и от войсковых частей. Круг в своем новом составе, свободно избранный (при полной свободе агитации) всем казачьим населением на основе прямого, равного и тайного голосования, соберется в городе Новочеркасске 4 февраля ст. ст. сего года, одновременно со съездом всего неказачьего населения. Только Круг, законный орган, восстановленный революцией, представляющий казачье население области, имеет право сместить Войсковое правительство и избрать новое. Этот Круг вместе с тем обсудит вопрос и об управлении войсковыми частями, и о том, быть или не быть отрядам и добровольческим дружинам, защищающим власть. Что касается формирования и деятельности Добровольческой армии, то Объединенное правительство уже раньше приняло

решение взять их под контроль правительства при участии областного военного комитета.

По вопросу об отзывании из горнозаводского района якобы поставленной Войсковым правительством полиции правительство заявляет, что вопрос о полиции будет поставлен на разрешение Круга 4(17) февраля.

Правительство заявляет, что в устройстве местной жизни может принимать участие лишь местное население, а потому оно считает, выполняя волю Круга, необходимым всеми мерами бороться против проникновения в область вооруженных большевистских отрядов, стремящихся навязать области свои порядки. Жизнь свою должно устроить само население – и только оно одно.

Правительство не желает гражданской войны, оно всеми мерами стремится покончить дело мирным путем, для чего предлагает Военно-революционному комитету принять участие в депутации к большевистским отрядам.

Правительство полагает, что если посторонние Области отряды не будут идти в пределы Области, – гражданской войны и не будет, так как правительство только защищает донской край, никаких наступательных действий не предпринимает, остальной России своей воли не навязывает, а потому и не желает, чтобы и Дону кто-нибудь посторонний навязывал свою волю.

Правительство обеспечивает полную свободу выборов в станицах и войсковых частях, и каждый гражданин сможет развить свою агитацию и отстаивать свою точку зрения на назначенных выборах в Войсковой круг.

Для обследования нужд казаков во всех дивизиях должны быть теперь же назначены комиссии из представителей частей.

Войсковое правительство Войска Донского предлагает всем частям, пославшим своих депутатов в Военно-революционный комитет, возвратиться к своей нормальной работе по защите донского края.

Войсковое правительство не допускает и мысли, чтобы свои

донские части выступили против правительства и тем начали междоусобную войну на тихом Дону.

Военно-революционный комитет должен быть распущен избравшими его частями, и все части, взамен этого, должны послать своих представителей в существующий областной военный комитет, объединяющий все войсковые части области.

Войсковое правительство требует, чтобы все арестованные Военно-революционным комитетом были немедленно освобождены, а администрация, с целью восстановления нормальной жизни в области, должна быть возвращена к исполнению своих обязанностей.

Являясь представителем только незначительного числа казачьих частей, Военно-революционный комитет не имеет права предъявлять требования от имени всех частей, а тем более – от имени всего казачества.

Войсковое правительство считает совершенно недопустимым сношения комитета с Советом Народных Комиссаров и пользование его денежной поддержкой, так как это означало бы распространение влияния Совета Народных Комиссаров на Донскую область, а между тем казачий Круг и съезд неказачьего населения всей области признали власть Советов неприемлемой, так же как и Украина, Сибирь, Кавказ и все без исключения казачьи войска.

Председатель войскового правительства,
товарищ Войскового Атамана М. Богаевский
Старшины Войска Донского:
Елатонцев, Поляков, Мельников, Уланов, Агеев
Секретарь Фомин»

Кроме того, неказачья часть Объединённого Донского правительства дала делегации ВРК отдельный ответ:

«Ответ неказачьей части Объединённого правительства Войска Донского.

Неказачья часть Объединённого правительства Донской области, ознакомившись с требованиями, предъявленными

Военно-революционным комитетом ст. Каменской казачьей части *Объединённого правительства*, считает своим долгом указать, что согласно постановления Объединённого правительства 4(17) февраля созывается съезд и Круг, и, таким образом, лишь две недели отделяют нас от того времени, когда население области сможет свободно решить все основные запросы жизни на Дону.

Этих двух недель едва ли хватит для проведения выборов по Области, а потому в интересах действительной правильности необходимо сейчас избегать какого-либо обострения в нашей областной жизни.

Неказачий отдел призывает представителей казачьих частей к совместной работе по созыву Войскового круга и областного неказачьего съезда, по немедленному прекращению гражданской войны, охране Области от давления извне и осуществлению через будущих народных избранников устройства жизни Дона на демократических началах».

Все встали, и молчали, будто ожидая чего-то ещё. Обращая к делегации, Каледин вдруг сказал:

– Прежде чем передать вам ответ Войскового правительства и неказачьей части Объединённого правительства, я попрошу прочитать только что доставленную правительству подлинную вашу телеграмму, отправленную в Харьков на имя народного комиссара Антонова, командующего войсками против Дона и Украины.

По просьбе Атамана член правительства Н.М. Мельников зачитал следующее:

«Харьков. Наркому Антонову. Дела подвигаются вперёд, назревает столкновение с калединцами. Фронтовые и строевые части присоединяются к нам. Но денег нет, содержать нечем полки. Если имеете возможность отпустить хотя бы два-три миллиона, то торопитесь, ибо от этого исключительно зависит успех. Скоро будет окончательно открыта граница. Калединов³¹⁸ хочет взять нас измором. Из-за недостатка денег мы мо-

³¹⁸ Так в тексте.

жем проиграть всё. Нет также бумаги для печати, и чувствуется недостаток в хлебе.

Председатель
Каменского военно-революционного
комитета Подтёлков,
Хорунжий Маркин³¹⁹»

При чтении её делегаты пытались сохранять спокойствие. Каледин подошёл и обратился к Подтёлкову:

– Что же это значит, вы же здесь заявили, что с Советом Народных Комиссаров ничего общего не имеете: говорите же – посылали вы эту телеграмму, или нет?

– Да, посылали, – переглянувшись с Кривошлыковым, глухо подтвердил Подтёлков.

Говорить больше было не о чем. Делегаты Донревкома обратились к Каледину с просьбой обеспечения безопасного проезда в Каменскую. Атаман поспешил их успокоить, обещав подготовить для этих целей специальный поезд. На этом заседание окончилось. Войсковое правительство, Каменская делегация, а вслед за ними, и публика покинули зал заседаний.

Оба ответа делегацию Донревкома не удовлетворили. Была лишь достигнута договорённость об участии членов ВРК в составе делегации Донского правительства, направленной 16 января к Таганрогу «для переговоров с большевистским командованием». Поехали от Ревкома Лагутин и Скачков, от Донского правительства Уланов, Мирандов и Войсковой есаул Кушнарёв³²⁰.

Остальные, во главе с Подтёлковым, были задержаны в Новочеркасске в связи с началом боёв под Лихой, отправлены позже и прибыли 19 января уже в Глубокую. Чернецов пропустил делегацию беспрепятственно.

16 января, когда Чернецов занял Лихую и Звереву, поддав-

³¹⁹ Телеграмма была направлена из Лихой. Подлинник её затем был передан в Новочеркасск Войсковому правительству.

³²⁰ По прибытии в Таганрог, делегация была застигнута восстанием, вынужденно возвратилась и дальнейших попыток встретиться с Сиверсом не предпринимала.

шийся общей панике Ревком обратился к Советскому командованию за помощью. Соответствующие распоряжения были направлены Саблину и Петрову. Со станции Чертково на помощь Донревкому проследовал в Каменскую эшелон с двумя отрядами красногвардейцев, общей численностью до 100 штыков при пяти пулемётах. Это было всё, что удалось наскрести. Сам же Петров оказался неожиданно совершенно в другом месте.

16 января он телеграфировал из *Воронежа*, что «на него наседают со всех сторон» и просил наступать с юга на Глубокую. Столь же тревожная телеграмма была получена Антоновым-Овсеенко и от председателя Воронежского ВРК Моисеева, который требовал срочной присылки «двух полков». Из сбивчивого текста можно было понять, что казачьи части от Черткова выдвинулись к Воронежу, и атакуют здание вокзала.

В действительности дело обстояло «несколько иначе». Часть уральских казаков, следовавших в эшелонах с фронта домой, устроила на станции погром. Завязалась перестрелка с советскими патрулями. Пятеро казаков и три красногвардейца были убиты и несколько десятков ранены. В результате, казаки согласились сдать оружие и, успокоившись, проследовали по маршруту. В конце телеграммы с подробностями происшедшего Петров сообщал, что 18 января отправляется в Миллерово «с несколькими тысячами пехоты, артиллерии и броневиками». На самом деле, по свидетельству Антонова-Овсеенко, «в его распоряжении был отрядик силой не более 500 человек».

4.5. Второе наступление Сиверса. Восстание в Таганроге

Расположенная в Финляндии 5-я Кубанская казачья дивизия сразу после Октября обратилась к советским властям с просьбой пропустить её части на родину. В ответ представителям кубанцев, как и трём Донским полкам, расквартированным в Петрограде, было заявлено следующее. Пропустим, но лишь после внутренней перестройки на основе выборного командо-